

ГОРНАЯ ФИЛОСОФИЯ В СМЕНЕ ВРЕМЕН

Бранг Петер, профессор, академик (Цюрих, Швейцария)

Петер Бранг показує, як народилась та розвинулась в російській літературі своєрідна «горна філософія» (термін В. Жуковського), як Альпи стали приводом для філософських, релігійних, історичних, естетичних рефлексій російських письменників. В статті аналізується: сприйняття Миколою Карамзіним Швейцарії як ідилічної Аркадії, паралель Василя Жуковського між історією людства та історією природи, між життєвим шляхом людини та горною країною Івана Коневського, образ демонічної досконалості планети Бориса Пастернака, геополітично-історична роль Альп Миколи Федорова.

Peter Brang shows the source and development of a specific «philosophy of mountains» (the term of Mr. V. Zhukovskiy) and discloses how the Alps became a source of philosophic, religious, historical and esthetic reflections for Russian writers. In the article it is analyzed: Mr. Nicolay Karamsin's perception of Switzerland as idyllic Arcadia, Mr. Vasily Zhukovskiy's parallel between human history and the history of nature, Mr. Ivan Konevskiy's comparison of human being's life and the Highlands, Mr. Boris Pasternak's paragon of planet's diabolic perfection, of the world creation. Mr. Nocolay Fedorov's geopolitical and historical role of the Alps.

Славянская поэзия о Швейцарии – это поэзия об Альпах. Она занимается преимущественно горными местностями. Горы, озера, ледники истолковываются почти как выражения сути Гельветии, сама же Швейцария – как «отчизна гор» (К. Случевский). Центральная часть страны, расположенная между горами, едва ли воспринимается, за исключением Рейнинского водопада и некоторых городов: Базель, Берн, Люцерн, Цюрих, Женева прежде всего, а также Лозанна – темы стихотворений.

Горный мир, вечный и неизменный, пребывающий в постоянной идентичности с самим собой, снова и снова возбуждает фантазию людей, задавая им загадку о своем происхождении, пробуждая их к сравнению со своим собственным прошлым существованием. «Швейцарский ландшафт пробуждает потребность в понимании». – писал цюрихский геолог и исследователь глетчеров Альберт Хайм (1849-1937) во введении к своей «Геологии Швейцарии» («*Geologie der Schweiz*», 1916). История очерков о путешествиях дает неисчислимые свидетельства этого желания понять. Так, Иоганн Вольфганг Гёте писал в 1779 году Шарлотте фон Штайн, находясь в пути из Базеля в Тун: «Уже в темноте предчувствуешь возникновение и жизнь этих редкостных созданий. Если они могли произойти как и когда угодно, то сложились эти массивы по тяжести и подобию своих частей мощно и просто. Если что возбуждало, разъединяло, раскалывало их для революций, то были это лишь отдельные потрясения и даже сама мысль о столь мощном возбуждении порождает высокое чувство непоколебимости. И время связано с вечными законами, то больше, то меньше воздействуя на них».

Так и на славянских поэтов, знакомившихся со Швейцарией, восприятие Альп наложило глубокий отпечаток. В течении отдельных исторических периодов и сменяющихся фаз истории поэзии возникала своего рода «горная философия» – Альпы становились поводом для философских, религиозных, исторических, эстетических рефлексий.

В «Письмах русского путешественника» (1789) Н. М. Карамзина находится реальное описание горного мира и странствий в горах. Путешественник чувствует свою подавленность перед ликом горных гигантов: «Нельзя взирать без некоторого ужаса на сии концы земного творения» [1, с/ 136]. Однако в век чувствительности это смягченный ужас. Молодой русский человек, находясь на горной вершине, молится тому, кто в этих массах гранита и снега обнаруживает свое всевластие. Людей горных местностей он видит в идиллическом свете Альбрехта фон Галлера и Русса: «Для чего мы не родились в те времена, когда все люди были пастухами и братьями!» [1, 137] «Поэма о вечности» («*Gedicht über die Ewigkeit*») Галлера была напечатана в русском переводе в 1778 году, поэма «Альпы» («*Die Alpen*») появилась лишь в 1798 году и к тому же в прозаическом переводе, произведение однако пространно в оригинале цитируется Карамзиным в разделе о долине Гасли. Влияние Соломона Гасснера обнаруживается в грациозных пассажах: «Как нежно чувство в Альпийских пастушках! как хорошо понимают они язык сердца!» [1, с. 139] Если бы альпийские красавцы не были так стыдливы, русскому путешественнику «возможно пришло бы на мысль потребовать от нее невинного «поцелуя...» [1, с. 142].

Такого рода идиллические, в духе Аркадии представления и образы продолжают жить еще долго в стихотворениях о Швейцарии период романтизма. Жизнь пастухов описывается в фольклорном духе, пастушья свирель, как и альпийский рожок, воспринимается как составная часть буколического существования. Это видно в «Песне альпийца» (1825) Платона Ободовского и в «Швейцарской песне» (около 1839) Тимофея Дычевича, как и в «Песне альпийца на чужбине» (1841) Ивана Бека. Идиллической увидена Швейцария и у поляка Казимежа Бродзинского, который как вдохновенный читатель Саломона Гесснера принимает его идеальных пастухов за совершенно реальных людей и убежден, что берега населены нимфами, фавнами и амурами, и даже насмешник Антони Одинец говорит в 1830 году в своем стихотворении «Эхо в Альпах» («*Echo w Alpach*») о «грациозной» песне альпийских пастухов и позволяет им услышать в песенном эхе звучание ангельских голосов.

Своевольно, отбросив все условности, истолковывает альпийский пейзаж Василий Жуковский. Когда он в 1832-1833 году находился там во второй раз, он изобрел термин «философия гор» или «горная философия». На Женевском озере читал он «Историю нашего времени» («*Geschichte unserer Zeit*») Карла Адольфа Менцеля и обнаружил в ней параллель между историей человечества и историей природы. Этот ход мыслей Жуковский перенес затем в написанном в начале 1833 года письме к наследнику трона на горные гиганты Альп: «Какое сходство в истории этих безжизненных великанов с историей человеческого рода!» Для верующего в духе строгого православия поэта Альпы стали символом того прочного порядка, который должен был установиться в истории искупительного подвига Христа вслед за хаосом исторических переворотов. Голос мира и порядка звучит все внятнее; время, подчиняясь промыслу, несет с собой лучшее – утихает дикий хаос вод, они начинают отражать небеса. «Вот вам философия здешних гор». Даже история деревни Голдау, уничтоженной в 1806 году падением горы, для Жуковского теперь «еще один маленький отрывок из той же горной философии» и представляется ему как аргумент против насильственного переворота. Революция – это значит «разрушать существующее, жертвуя справедливостью, жертвуя настоящим для возможного будущего блага, есть опрокидывать гору на человеческие жилища с безумной мыслью: что можно вдруг бесплодную землю, на которой стоят они, заменить на другую более плодородную» [2, с. 24-30]. Так глубоко религиозное переживание ландшафта Жуковским укрепляло его консервативные взгляды. Уже во время первой поездки в Швейцарию летом 1821 года, спокойно текущая под плотиной вода Аары, которую он наблюдал с террасы Федерального дома казалась «образом мудрого правления».

Яркое философское истолкование гор находится снова в конце XIX века в лирике, эссеистической прозе и переписке раннего символиста, умершего в молодости Ивана Коневского. Его эссе «Умозрение странствий» содержит главку «Разум гор», которая пытается обосновать глубокое значение гор. Еще в 1987 году он отмежевывается от высказанного Готвальдом Гарнишем мнения, что горизонт должен замыкать горы, позволяя предчувствовать нечто незримое. Это, так полагал Коневский тогда, «чисто немецкое ощущение». В то же лето однако (и затем снова в 1898 году) он был в Лаутербрунне: «Вот передо мной такой вид, какой носится в мыслях всякого, с детства слышавшего о Швейцарии» [3, с. 142]. Отныне он видит в хаосе гор отображение жизни: «Путь жизни, именно, по словам пословицы – «не поле», а горная страна» [3, с. 139] (намек на русскую пословицу – «Жизнь прожить – не поле перейти»). Коневский замечает теперь в горах и преимущества перемещенного горизонта: «Ибо в горах – все то как раз, с чем человек сжился в жизни: здесь она бьется, уповает и с тоской устремляет взоры к сокровенному, заповедному. Тут обретает себе утомление неодолимая потребность человека в поисках неизведанного...» [3, с. 142]. Этот аспект исходящего из горного мира этического неистовства нигде не выражен с такой ясностью в важнейшей работе А. Кошорке «История горизонта» («*Geschichte des Horisonts*», 1990). И как А. Блок видел в Коневском прежде всего открывателя русского ландшафта, русской природы так этот поэт одновременно случай обращения в другую веру – веру в горы: «Все это – и горы, и облака – волшебные приведения среди бела дня воочию открылись все темные тайны туманных далей. И не решаешься взглянуть в это чудо: боишься, что оно исчезнет под упором взоров, и не оторвать от него глаз, и нет мига без изумления» [3, с. 142].

Глубокую смысловую связь между историей Альп и историей человечества познал и Осип Мандельштам. Он видел, что «в швейцарских горах сохранилась живая память геологических катастроф», при этом казалось ему именно здесь ощущение культурного единства Европы

наиболее сильным: «Здесь в Швейцарии, Карамзин пролил сентиментальные слезы русского путешественника. Альпам посвящены лучшие стихи Тютчева. Совершенно своеобразное, насквозь одухотворенное отношение русского поэта к геологическому буйству альпийского кряжа объясняется именно тем, что здесь буйной геологической катастрофой вздыблена в мощные кряжи своя родная, историческая земля – земля, несущая Рим и собор святого Петра, носившая Канта и Гете. <...> Так альпийские стихи Тютчева одухотворены историческими ощущениями европейской почвы.» [4, с. 251]

Сходным образом швейцарские Альпы как геологическая формация имели аллегорическое значение и для Бориса Пастернака, они казались ему в «Охранной грамоте» «символом демонического совершенства планеты» [5, S. 69], выражением мирового творения.

Своевольное признание причастности к горам дает Марина Цветаева в письме к Борису Пастернаку от 23 мая 1926 года: «Море – диктатура. Гора – божество. Гора разная. Гора умалется до Мура (сын Цветаевой Георгий, 1925-1944. П. Б.) (умиляясь им!). Гора дорастает до гётевского лба и, чтобы не смущать, превышает его. Гора с ручьями, с норами, с играми. Гора – это прежде всего мои ноги, Борис. Моя точная стоимость». Несколько лет спустя, в 1934 году, в эссе-некрологе Н. П. Гронскому Цветаева снова философствует о мире гор. Страсть к горах будто бы «нерусская страсть» [6, с. 117]. Альпинизм будто бы – процесс преодоления препятствий – здесь Цветаева очень близка рассуждениям Корневского. Ее большая любовь к горам – воспоминания Анастасии подтверждают это весьма вероятно – восходит не в последнюю очередь к ее пребыванию в Швейцарии в 1903\04 г.

Исходя из православно-русофильской и критической к Европе позиции, рассматривал Альпы Николай Феодоров (1828-1903), «один из своеобразнейших русских мыслителей» (Д. Чижевский), в первом томе своей «Философии общего дела» (опубликованной посмертно в 1906 году). Его интересует не их геологическое доисторическое время, но их геополитическая историческая функция. Для него «Альпы – это гульбище, ставшее алтарем естественной (т.е. самой искусственной) религии и поучившее значение как резиденция творца ее – Руссо». Как Греция – Парнаасский полуостров, так и «Альпийский полуостров [Западная Европа] – страна не художников, но мастеровых [7, с. 246-247], разделившийся на два отрезка своей истории – на южно-романскую и северо-германскую часть.

Литература

1. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. - Л.: Наука, 1984.
2. Жуковский В. А. [Письма к государю наследнику цесаревичу]. 1 января 1833. Верне, близ Веве // Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. – СПб. : Изд-во А. Ф. Маркса, 1902. – т. 12.
3. Коневский И. Мечты и думы. СПб., 1900.
4. Мандельштам О. Пшеница человеческая//Мандельштам О. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. – Т.2
5. Danilevskij R. Ju. Eine Bergphilosophie. Russische Schriftsteller in den Aplen// Fakten und Fabeln. Schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Hrsg. von M. Bankowski, P. Brang, C. Goehrke, R. Kemball. – Basel: Frankfurt a. M., 1991.
6. Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года. – М.: Книга, 1990.
7. Федоров Н. Ф. Сочинения. – М. : Мысль, 1982.

Перевод Е. И. Нечепорука